

За все мы с вами отвечаем...

(Тема охраны окружающей среды в творчестве писателей)

В своих произведениях писатели показывают, какими должны быть отношения человека в бурный век научно-технической революции к природе. Потребности человечества в природных ресурсах возрастают, и особенно остро встают вопросы бережного отношения к природе, т.к. экологически неграмотный человек в совокупности со сверхмощной техникой наносит неисправный урон окружающей среде. Природа для писателей – не просто среда обитания, она – источник доброты и красоты. В их представлениях природа связывается с истинной человечностью (которая неотделима от сознания своей связи с природой). Остановить научно-технический прогресс невозможно, но очень важно задуматься над ценностями человечности.

Все писатели, как убежденные ценители подлинной красоты, доказывают, что влияние человека на природу не должно быть губительно для нее, ведь каждая встреча с природой – это встреча с прекрасным, прикосновение к тайне. Любить природу – значит, не только наслаждаться ею, но и бережно к ней относиться.

Любовь к Природе, к Степи должна воспитываться с детства, с юности, ежедневно; с осознания чувства стыда и вины перед «братьями нашими меньшими» и перед цветком, который ты срываешь, лишая его жизни.

О природе

В степи весенней мальчик лет шести,
Бутон цветка увидев нераскрытый,
Давай его разворачивать сердито:
Он, дескать, должен тотчас расцвести!
– Что делаешь?! Зачем ты губишь цвет?...
– Природу побеждаю! – был ответ.
«Чужие речи повторяет малый...» –
Подумал я. Не по себе мне стало.
Ребенку объяснить не так-то просто,
Что побеждать природу он начнёт,
Когда познает все законы роста,
Изучит скрытого развития ход...
Ведь даже многоопытные мужи
Порой с природой поступали хуже,
Забыв, что хоть она – сильна, крепка,
Но – так нежна, но – так подчас хрупка!

Д. Кугультинов

Когда я стоял, упиваясь игрою
Пичужек, мелькавших в лучах золотых,
Мечтая, как в детстве:

вот-вот я открою,
В чём тайна полёта свободного их,
Вдруг рядом со мною, за ближним холмом,
Послышался выстрела сухонький гром.
Ещё не рассеялся сизый дымок,
А думать о добром я больше не мог.
И было мне больно, и было мне тяжело:
«Как так – человек, не создавший пока
Не то что комарика или букашку,
Но хоть бы комочек живого белка,
Хоть самое простенькое существо, –
Все силы ума своего и таланта
Направил на то, чтоб себя самого
Разбрызгать на волны легчайшего кванта?!»
Но добрые травы, и небо, и птицы
Меня утешали: живое любя,
Посмотрит на них человек и, частицы
Вселенной собрав, – воссоздаст и себя.

Д. Кугультинов

Опять жесток небесный свод!
И летом и весною
На степь он без пощады шлет
Одни потоки зноя.

И осень тяжкая, придя, –
Как мы ее ни просим! –
Нам ни единого дождя
Не дарит нынче осень!

Все, даже поздняя трава,
Погибнет из-за жара!
И так уже – не год, не два...
За что такая кара?

Иль мы привычный ритм земли
Сломали по незнанию
И вот за это понесли
Лихое наказание?

Иль слишком дерзко в мир светил
Вторгаемся, как боги,
И это богу грозных сил
Не нравится в итоге,

И вот незримую дыру,
Откуда влаги литься,
задраил и наслал жару
На землю Огнелицый?..

Но что неверующим – нам –
Осталось?.. Плакать?.. Или
Грозить бесплодно небесам,
Иль землю грызть в бессилье?!

Иль, чтоб не умерла трава,
Чтоб вновь росла пшеница,
Не засучить ли рукава
И крепко потрудиться?..

Д. Кугультинов

Я принес из степи тюльпаны,
Я принес из весны цветы.
Но принять этот дар багряный
Наотрез отказалась ты.

Посмотрела холодным взглядом
И слегка повела плечом...
Не губи красоту, не надо, –
Не повинны цветы ни в чем.

Э. Эльдышев

В. Прокопенко
«Санькин тюльпан»
отрывок

<...> «Ух ты, тюльпанчик!» – Санька наклонился над бутончиком, взирая на него, будто на чудо. «Да, самый натуральный тюльпан, – обрадовалась за сына мать. – Не сегодня-завтра раскроется. Может, возьмём его с собой?» – «Нет, нет, рвать их запрещено, – слегка рассерженно ответил сынишка, – не надо разлучать тюльпан со степью, здесь ему будет лучше. Да и потом он сейчас тут один, а на следующий год, может окажется уже их несколько. А мы будем приходить, его навещать, и других попросим не рвать». Мальчик погладил слабенький тоненький стебелёк...

Тюльпанная охота

Тюльпанов маленький букетик
Девчушка в поле собрала,
А рядом – Маныч, солнце светит,
А даль зеркальная светла.
Но только жаль, где рос цветочек
Теперь лишь травушка растёт,
И кто найти цветов захочет,
Увы, их больше не найдёт.
Один, другой, десятый, сотый...
Сложи – огромный букет, –
Идёт тюльпанная охота,
И виноватых, вроде б, нет.
Степь обеднела на тюльпаны,
Мы виноваты сами тут,
А потому я рвать не стану
Отныне их. Пускай растут,
Пусть нам головками кивают,
Горят в степи, как огоньки,
И побережье украшают
Великой Маныча-реки.

Ну а на память – будет фото –
Апрель, тюльпаны, вы и я,
Не истребляйте же красоты
Своей степи... Прошу друзья!

О. Чернышова

Не рвите живых цветов!

**Пробился цветок на ощупь
Сквозь толщу мрака, сквозь мглу –
Долбя их денно и ночью,
Тянулся к свету, теплу.**

**Но тут рукой человека
Живая порвана нить...
Не он ли призван от века
Природы красу хранить?**

**Нарвал он букет красивый,
Пред милой своей предстал
С осанкою горделивой –
Хоть ставьте на пьедестал!**

**Но знаю, на это глядя,
Что он – не герой, увы.
Он словно густые пряди
Сорвал с моей головы.**

**И я на весь мир от боли
Сейчас закричать готов:
О, люди!
В степи и в поле
Не рвите живых цветов!**

Т. Бембеев

Баллада диких тюльпанов

Идет весна калмыцкой степью,
Как обновленья благодать.
Зеленому великолепию
Конца и края не видать.
По всем равнинным перекатам
До горизонта там и тут,
Наполнив воздух ароматом,
Тюльпаны радугой цветут.
Но мой глубокий гнев не вздорен
И справедлив печальный взгляд,
Когда их рвут под самый корень
И с корнем вместе теребят.
Потом домой, себе в угоду,
С природой-матерью на «ты»,
Увозят, празднуя свободу,
Охапки мертвой красоты.
Несут и хвастают открыто,
От жадности оторопев,

К себе домой – свинье в корыто,
К себе домой – корове в хлев.
Прекрасным заревом расцвета,
Увы, никто не дорожит.
А степь, измята и раздета,
Вдали, как нищая, лежит.
И от воинственной отваги
Нигде не скроешься уже:
Нырнешь в овраг – найдут в овраге,
В межу – захватят на меже.
Нет для тюльпанов места в поле,
Нет ни вблизи, ни вдалеке,
И только память горькой боли
Есть в поэтической строке.
Друзья, родства живые нити
Ищите в мире красоты.
И, как любовь свою, храните
Тюльпаны – дикие цветы.

Д. Кугультинов

Боль

«...степи, как вы хороши!..»

Н. Гоголь

Степь невольно
сжалась в комок:
степь полосуют
плети дорог.
Выбит почти
на корню тонконог –
переливался под ветром,
как шёлк.
Редко головку
покажет цветок,
и перевёлся в лугах волошок.
Где же сайгака
стремительный скок?
Где запашистый
густой полынок?

Только печально
свистит ветерок
в старый коровий
обломанный рог;
да под яругой,
где жил родничок,
серою змейкой
струится песок.
Что же застыл
на тропинке, сынок?
– Степь так вздыхает –
идти я не смог.

Г. Кукарека

Неведомый язык

Язык природы – самый древний –
Загадка для души людской...
О чём мечтается деревьям
Над притуманенной рекой?

Свои не открывает тайны
Родник, что бьёт из-под земли.
Раскрылись тайны бы случайно –
Как много мы узнать смогли.

О чём дубравам шепчет ветер,
Рокочет что морской прибой?
И почему в зелёном цвете
Глаза находят свой покой?

Как утренней росой лечиться
Мог догадаться зверь степной?
И как во мгле находят птицы
Дорогу нужную домой?

О чём мерцают звёзды, дремля?
Поведать что они должны?
А семена цветов на землю
Не с этих звёзд занесены?..

И гложет мысль меня все годы,
Покая нет ни на миг:
Перевести б язык природы
На человеческий язык!

Г. Кукарека

Природы братья

Встаёт рассвет – и сердце радо.
Отцвёл закат – оно грустит.
Давно бы нам признаться надо,
Что без природы нет пути –
Пути к прекрасному, к познанию
Любви, участия, доброты.
И нам не будет оправдания,
Что вывелись почти цветы,
Цветы лужаек и опушек,
Крутых, подооблачных высот.
Застенчивые маки глушит
В полях разросшийся осот.
Тюльпанов пышные тюрбаны
Всё реже кланяются вам.
Не мчатся ветру встреч
тарпаны,
Накатываясь, как волна.

Дрофа уже давно не ходит
Меж распушённых ковылей.
А ведь она в былые годы
Слыла царицею степей.
Железный век всё глубже пашет,
Подрезав жилы родников.
И стало меньше в душах наших
Тепла для самых нужных слов.
Казны природы я наследник:
Одним дыханьем с ней дышать.
Не так нам важен заповедник,
Как – заповедная душа.
За всё мы с вами отвечаем,
Природы братья и друзья.
Она мельчает – мы мельчаем.
А нам мельчать никак нельзя.

Г. Кукарека

Раздумья

В природе ничего не могло быть лучше стени.

Н. Гоголь

Травостоем вы славились, степи.
Шапку бросишь – негнулась трава.
Но земля до поры только терпит,
Ведь ранима она, ведь жива.
И нуждается в нашей охране.
Мы о том забывать не должны,
Как зловеще дымятся барханы
За тюльпанной улыбкой весны.
Опадает ковыльная накипь,
Дудаки не гуляют гурьбой.
Встал журавль вопросительным

ЗНАКОМ

Над своей перелётной судьбой.

Г. Кукарека

**Стало меньше гнездовий в полыни,
Поредела курганная цепь.
Голос предков тревожит поныне:
Берегите кормилицу-степь.**

**Поседела она слишком рано
От тоски по былой красоте.
Чем вы меньше сорвете тюльпанов,
Тем красивее будет степь.**

Г. Кукарека

Степное горе

Степь обручилась
на свое горе:
голубое кольцо окоема
обменяла
на желтое кольцо дыма
газоконденсатного завода.
Мучается с тех пор степь.

Утрами в глухой западинке
заходится кашлем зайчиха.
Из глубокой Змеиной балки
уполз, уже навсегда,
последний красавец – полоз.
Ковыль задумчиво качает
рано поседевшей головой.

Пески

Барханы насупились со всех сторон.
Тюльпан по голову песком занесен.
В суглинке – расплющенный солнечный диск.
Солями пропитан сухой тамариск.
След полоза вдавлен в сыпучем песке.
Тушкан взялся солью на солончаке...
Столб пыли – бараний закрученный рог.
Орел тугокрылый совсем занемог.
Марь плещет волною в лобастый бугор.
Сайгака – подранка мучительный взор.
И ветер заходится в волчьей тоске,
Пригнув до земли сухолюб – терескен.
...Я соль – самосадку в платок завяжу,
Впервые познав безысходную жуть.
И будет мне сниться земли этой сон:
Тюльпан по головку песком занесён.

Г. Кукарека

Побледнела вся степь, погрузнела,
Раньше срока завяли цветы.
Даже небо – смотри! – потемнело,
Словно чувствуя близость беды.
Что со степью? И что еще может
С ней случиться сегодня, вот-вот?..
Вид степи и гнетет, и тревожит.
Ветер пыль по равнине метет.
Занавешены дали туманом.
Вкус воды родниковой забыт.
С каждым годом все меньше тюльпанов,
Все печальней трава шелестит.
Что со степью? Какие невзгоды
Ей еще предстоит пережить?
Научиться бы людям с природой
На одном языке говорить.
Научиться б ценить все живое,
Всех букашек любить... И тогда
Степь, наверно, была б не такою...
Не засох бы родник никогда.

В. Лиджиева

Сайгаки

А. И. Брюханову

Своей извечною тропой
сайгаки шли на водопой.
И взбрыкивали малыши
в прохладце зоревой тиши.
Распушенные ковыли
им кланялися до земли.
Взлетело стадо на курган,
за ним, внизу, блеснул лиман.
Запахло глиной и рапой,
озерной солью молодой.
Степная воля пахнет так как пахнет
Князь всех трав -типчак.
Бежать бы сайгам и бежать,
по ходу солнышка кружа,
когда б не встретился канал,
который степь перерезал,
когда б не рев грузовика –
донесся он издалека.

И сайги, страх переборов,
все кинулись в глубокий ров.
И, осыпая голыши,
за ними следом – малыши.
Осклизлый берег не давал
подняться на высокий вал.
Как дети, жалобно крича,
погибли сотни сайгачат...
Своей извечною тропой
сайгаки шли на водопой.
Бежать бы век им по траве –
Канал

построил

человек.

Г. Кукарека

Смерть сайгака, или Расстрелянное утро

Все ярче неба дальний уголок.
В тумане, в сизом предрассветном дыме,
Упрямо разгорается восток,
Лучами искрометными, густыми
Просторы наполняя до краев...
И предо мной, по-утреннему ярок,
Мир предстает, как праздничный подарок, –
В росе, в лучах... Неотразимо нов...
И тут же, плавно сдерживая шаг,
С достоинством, доверчиво-спокойно,
Бок о бок со своей подругой стройной
По склону поднимается сайгак...
Но что-то хрустнуло... Враждебный шорох!
И, вздрогнув, поднял голову сайгак...
Насторожился... В сторону отпрянул...
Но поздно!

Небо с треском прорвалось!
Прозрачность утра пропоров насквозь,
Из-за холма короткий выстрел грянул...

А сайгак

Лежит... Пригнулась шея неуклюже...
Дымится кровь и натекает лужей.
И солнце опускается во мрак,
багрово-липкий, нестерпимо алый...

Д. Кугультинов.

Выстрел

(памяти Улдиса Кнакиса – инспектора службы охраны сайгаков, погибшего при исполнении служебных обязанностей)

<...> Когда бегут от выстрелов сайгаки –
Инспекторы на выстрелы спешат.
Ты для себя, пожалуйста, запомни,
Что там, среди ковыльной тишины,
Мои друзья видны как на ладони –
Враги и на равнине не видны.
Но мы найдем. Мы знаем их повадки.
И вот о чем мне думалось не раз,
Что тот, кто нынче выстрелил в сайгака,
Тот может завтра выстрелить и в нас...

Степная баллада

Сайгаки, вам не до драки,
Не до игры на тепленьком песке,
Когда в степи двуногие собаки,
И мотоцикл их яростный в атаке,
И узкий нож сверкает в кулаке...
Бросок. И все смешалось на минуту.
И браконьер по имени Эмер,
Весь пылью обжигающей окутан,
В сайгака бил ножом, но почему-то
Себя под сердце ахнул браконьер.
Сайгаки, вам не до драки,
Не до игры на тепленьком песке.
Пусть захлебнулась злобная атака,
Но парень, нападавший на сайгака,
Лежит, песок зажавши в кулаке...
Лежит в степи и дышит хрипловато,
Но прочь бежит багровым ковылем,
Покинув умиравшего собрата,
Добытчик подловато-хитроватый,
Тот, кто сидел все время за рулем.

Д. Насунов

Улдис Кнакис родился в 1939 году в Латвии. Детство его прошло в Сибири. Улдис с детства отличался от сверстников подвижностью, живостью ума, необыкновенной любовью к природе, особенно к животным. После окончания средней школы он поступил на охотоведческий факультет Иркутского сельскохозяйственного института. После окончания работал охотоведом в калмыцких степях, где создал первый в нашей стране специализированный отряд по охране сайгаков. Массами гибли сайгаки в оросительных каналах, протянутых в степи на сотни километров.

О специальных переходах тогда строители не задумывались, и, попав в забетонированную ловушку, животные никак не могли из неё выбраться. Кнакис начал с прессы, со страниц «Охота и охотничье хозяйство». Призывал принять срочные меры к защите сайгаков, требовал наказания браконьеров. Кнакис своего добился. Его специализированный отряд получил новые, мощные машины, приборы ночного видения. Были приняты специальные меры, заставляющие строителей оросительных каналов строить переходы для сайгаков. Трудно, очень трудно стало браконьерить в калмыцкой степи. Кто до сих пор жил нечестным трудом, возненавидел Кнакиса. Сначала пытались запугать: звонили среди ночи, подкидывали предупреждающие письма. А затем стали стрелять.

В то роковое сентябрьское утро Улдис вдвоём с шофером П. Волоховым выехали на учёт сайгаков...

Хоронили Улдиса Кнакиса на родине, 4 октября, в день, когда ему исполнился бы 31 год...

Внук латышских стрелков

Памяти Улдиса Кнакиса посвящается

<...> Как прекрасна степей природа –
Воды, травы, птицы, зверьё!
Улдис Кнакис четыре года
Постигает тайны её.
И она, будто древний свиток,
Открывается перед ним,
Всем, что ею ревниво скрыто,
Щедро делится с ним одним.
Нет, пути к сокровенным тайнам
Не откроет она до дна
Не влюблённым в неё, случайным,
Не отдавшим себя сполна
Постижению мудрейшей книги,
Где загадочен каждый знак:
И весенних былинки пики,
И летящий стрелой сайгак,
И торчащий, как столбик, суслик,
И сторожкий степной русак,

И кричащие в небе гуси,
И безмолвный глухой овраг,
И в чакане густом озера
И шуршание камыша...
Лик природы не скрыт от взора,
Но сокрыта её душа.
А её ни глаза, ни уши
Не помогут сполна узреть –
Сердцем надо природу слушать,
Сердцем надо её смотреть!..
...И над степью родною с юга
Журавлиный плывёт косяк.
И сверкают озёр копытца,
И в рассветной степи стучат,
Тишину раздробив копытца
Веселящихся сайгачат...
Степь живёт! –
Значит прожил Улдис
Свою славную жизнь не зря.

А. Кукаев

М. Д. Перовский
Охотовед Улдис Кнакис: рассказ
(отрывок)

...Я опять оказался в Калмыкии. Численность сайгаков росла. Служба охраны работала хорошо и руководил ею фанатик своего дела охотовед Улдис Карлович Кнакис. Выпускник Иркутского института, он приехал сначала в Астрахань, а потом, когда служба была переведена в Элисту, вслед за ней переехал в Калмыкию. Среднего роста, остроносый и кареглазый, сухой и подтянутый, подвижный как ртуть он мало походил на степенного прибалта, да к тому же говорил по-русски без всякого акцента. После первой встречи мы быстро с ним подружились. А заботы у нас были простые – как можно точнее определить численность сайгаков, потому что ставился вопрос о начале его промысла... Подготовились, заказали специальный самолет, который должен был вылететь по телеграмме в определенный квадрат и заснять на пленку, находящихся там самок. В те годы самки сайгаков на период отела собирались в громадные скопления, которые мы называли «родильными домами». Животные там мало двигались, не больше двух-трех километров в сутки, хорошо контрастировали со свежей зеленью в своих седых зимних шубах. Эти «родилки» на восемьдесят-девяносто процентов состояли из самок. Получив численность самок на снимках, мы без труда, а главное достаточно точно могли определить численность всего поголовья антилоп в Калмыкии... В конце сентября я из Москвы позвонил Улдису и сообщил, что еду на осенний учет. Спросил как с сайгаками? Море сайгака! Слышал я в трубке радостный голос Кнакиса. «Не забудь пяток разрешений взять на шулюм!». Он всегда оставался охотинспектором. На следующий день я самолетом вылетел в Элисту. Прилетели точно по расписанию и я удивился, что в аэропорту никто не встречает. Не замечая меня, проходили рядом мои знакомые охотинспектора из службы охраны сайгаков и спрашивали родственников Улдиса Кнакиса. Я поискал глазами и не увидел знакомых машин с темными фарами. Наконец на меня обратил внимание один из охотинспекторов, поздоровался и предложил сесть в спецавтобус. Взглянув на его тусклое натянутое лицо, я спросил, что случилось. Кнакиса вчера убили, – просто ответил он...

В. Прокопенко
Лебединая песня
(отрывок)

Давно степь не видела такой трагедии. Стремительный бег огромного стада сайгаков внезапно прервался. Водная лента недавно проложенного канала отрезала их путь к зеленым пастбищам, на которых можно было бы выжить в знойное лето. Остановка была столь резкой, что началась давка. И маслом, подлитым в огонь для паники пугливых животных, стало улюлюканье людей и рев автомобильных сирен, оказавшихся поблизости. Страшная сила подхватила сайгачонка, закрутила, понесла неведомо куда и неожиданно бросила в мутную воду канала. Всё дальше уносил поток сайгачонка... Помощь пришла от мальчишки из ближнего посёлка... Несколько дней возился Слава, чтобы поднять на ноги сайгачонка... Сегодня они вместе отправились к ближайшему озеру. Степь... Знакомая до каждого бугорка, и вместе с тем всякий раз Слава открывал в ней что-то незнакомое прежде. Скромную красоту степи он ни за что бы не променял на величественные горы...; не нравилось ему и в густом лесу... Но к сосне у него было особое отношение. Сосновый бор среди знойной степи был его мечтой... Вот и сейчас ему в степном мираже чудился сосновый оазис. Заглядевшись, мечтатель вдруг споткнулся о что-то мягкое. Это были останки собрата Малыша – след случившейся трагедии. Прежнего настроения уже не было... Он напряженно думал. «Кто сегодня защитит природу? Только человек! – рассуждал по-взрослому Слава. – Но люди и защитники, обидчики её. Кто эти шоферы, безжалостно толкнувшие животных к гибели? Кто эти неизвестные люди, спалившие недавно полкилометра лесополосы?..».

Дети Чёрных земель

<...> А что теперь?!
Я – глина у могил,
Проросшая сухим и диким сором,
Не вы ли те,
Кто мать свою позором
И жёлтым саваном – песком
Навек покрыл?!
Я вас звала, «надежду и опору»,
Я так просила пожалеть меня...
(Разумный путник бережёт коня,
А не вонзает в бок стальную шпору!)
Дать мне налиться, соком напитать
И жилу крупную, и маленькую соту,
Чтоб, щедрая, могла я завтра дать
Сторицею... – за ласку и заботу!
Но нет! Пришли страшны,
Жестокосердечны,
В урчании железных
Тракторов,

И разбежались
Суслики и серны –
Пугливые сайгаки –
И песков
Горячее дыханье
Сушит душу,
И ветер
Ядовитый серный газ
Качает надо мною,
Словно грушу,
И слёзы солью
Сыплются на глаз...
И я – уже не степь
Цветущая.
Отныне
Я – лишь пустыня,
Мертвая пустыня!..
...Я, Чёрная Земля,
Устав от ран,
В пустыню превращаюсь
Год от года...

Э. Эльдышев

В. Прокопенко

Рождение

(отрывок)

Воскресный день в начале мая. Степь принимала нас. Вновь юная, одевшая свой красочный наряд... Застенчиво улыбалась синеглазым диким льном, рдела от смущения полянкой мака, трепетала перышками ковыля. Серебристые волны разбегались по степному простору, рушились беззвучным водопадом в балки, смешивались там с ярко-зелеными всплесками густого тонконога. Степь волновала молча. И радость жизни, обновления была в её волнении, и какая-то щемящая тоска и тревога.

А тревожиться ей есть о чём, – подумалось невольно мне, – город совсем рядом, бетон и камень наступают... По крутой балке, торопливо бегущей от городского микрорайона вниз, рассыпались белыми пятнами десятка два овец... Мы задержались у старика, сидевшего на склоне... Бывший чабан, как и подобает его профессии, повел неторопливый разговор об отарах, теперешних заботах и тяготах... «Колодец здесь недалеко. Наверное, знаете? Водичка пресная, добрая... Так вот дети чего только в него не накидали. Ведро повесил, уже нет... Ну почему люди плюют в колодец, из которого им пить?».

Вспомнился этот колодец под зеленым шатром деревьев. Воистину оазис в степи. Но гибнет он, и падают со стоном деревья. За многие годы любители чернозёма чуть ли не на половину выкопали их из земли, и жутко смотреть, как зеленые великаны умирают стоя, опираясь на извилистые, причудливо переплетённые в борьбе за жизнь, повисшие в воздухе, обречённые корни...

Последние шаги на выходе из балки, последний кустик ковыля, кивающего на прощание. И ...дружной стеной встал перед нами многоэтажный город. Другой мир, иная жизнь. Откуда мы пришли три часа назад, куда мы возвращались чуть другими...

О степь, мы у тебя в гостях... И ты прости, когда неблагодарны к тебе.